

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тяжело в деревне без нагана 5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«В доме, где резной палисад...» 78

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Кто вы, мистер Бонд?» 155

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

«В далёкой знойной Аргентине...» 243

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тяжело в деревне без нагана

*1979 г., июнь,
где-то в Подмосковье.
Горячие деньки*

Спина болит, руки ноют, пот безжалостно заливает глаза. Пить хочется отчаянно, и голова как бы сама собой поворачивается туда, где на краю поля, шагах в тридцати, рядом с грудой всякого барахла отблескивает тусклым пятидесятилитровая молочная фляга с надписью «для питья». Флягу наполняли всего пару часов назад, и вода — ледяная, колодезная — наверняка ещё не успела нагреться на солнце. На крышке фляги пристроились мятые кружки — белая эмаль изнутри откололась, оставив уродливые черные пятна. На это, конечно, плевать, но не хочется выбиваться из взятого рабочего темпа — потом будет только хуже, придется заставлять себя плестись назад и снова становиться на грядку. Нет уж, лучше дождаться, когда доберешься до конца поля, и вот тогда — законный перекур, можно и попить со всем удовольствием...

«Перекур» — это, конечно, только так говорится. Среди школьников курящих не так много, и они пока не рискуют собираться кучками и дымить открыто. В сторонке, отвернувшись, — дело другое. «Перекур» — это значит, что можно сбегать в кустики, напиться холодной воды из фляги, потянуться, разминая ноющую от вечно скрюченного положения поясницу, а то и просто улечься на пыльную траву, закинуть руки за голову и бездумно смотреть в белесое от жары полуденное небо.

Всё это вместе с проживанием в сельском общежитии (наскоро подготовленном к визиту «москвичей» помещении местного клуба), вечерами с простуженным кассетником и «плодово-ягодной» бурдой из сельпо — всё это и называется «летняя производственная практика».

Забавно, но в прошлой жизни я её пропустил. Дело в том, что набор «в колхоз» был делом сугубо добровольным, и я предпочёл остаться в Москве и проходить «трудовую повинность» в расположенном поблизости «Универсаме», где мы две недели кряду таскали лотки со свежесвыпеченным хлебом в хлебобулочном отделе. Вот как сейчас, наверное, таскает Миладка — её в колхоз не пустили, запротестовали родители. Аст тоже в тот раз не ездил — мать взяла его с собой в Казахстан в геологическую партию, что и было зачтено с предъявлением соответствующей бумажки. А вот на этот раз Аст отказался, изрядно удивив мать. Экзамены он сдал ни шатко ни валко, едва-едва хватило для того, чтобы остаться в девятом, и сейчас пыхтит

на соседней грядке, один за другим выдёргивая неподатливые сорняки.

Дальше, через две грядки от меня, старается Нина — одна из наших комиссаров, маленькая, чуть полноватая, с пышными формами брюнетка из пединститута.

Почему «комиссары»? Да потому что практика наша организована довольно необычно. Вместо привычных школьных педагогов, надзирающих за порядком и организующих наш быт, труд и досуг, вместе с нами «в колхоз» отправился «педагогический отряд» из пединститута имени Крупской. «Комиссары» — это их фишка, как и ежевечерние посиделки у общего костра с гитарой, и брезентовые куртки-стройотрядовки с нашивками «Педотряд-79». Мне это знакомо: сам по прошлой жизни много и плодотворно общался с ростками неформальной педагогики, робко пробивавшимися на почве крапивинской «Каравеллы» и московского «Дозора». Здесь же вполне официальная инициатива институтского комитета комсомола: кто-то выдвинул предложение испробовать новейшие педагогические методы (ага, новейшие, Макаренко читайте), получил поддержку — и дело в шляпе.

Большая часть «педотрядовцев» нам знакома — проходили практику в нашей школе в третьей, весенней четверти. Вряд ли это случайность. Что ж, тем лучше — два десятка школьников из двух девярых классов (в них, как и обещали, свели четыре восьмых), пять девушек и двое парней, а также двое институтских преподавателей на роли старших практики. наших класс-

ных руководительниц, что Галину, что Татьяну Иосифовну, не взяли по каким-то высшим педагогическим соображениям. Те очень расстроились, но клятвенно пообещали навестить своих «ребяточек». Мы ждём.

За спиной крикает клаксон. Я оборачиваюсь — совхозный бортовой ГАЗ-53 с ярко-голубой кабиной и характерным щелястым радиатором остановился на краю поля, возле фляги с водой. Задний борт уже откинут, и оттуда вылезли Ритка Дымшиц и ещё две девчонки, работающие на пищеблоке. Суетятся, помогая парням-дежурным выгружать из кузова здоровенные зелёные армейские термосы с кашей и борщом. Ритка уже расстелила на траве большую клеёнку и выкладывает на неё нарезанные кирпичи серого хлеба, охалки алюминиевых ложек и вилок, расставляет стеклянные солонки и аккуратно раскладывает большие пучки зелёного лука.

— Эй, трудовая молодёжь! — весело кричит из кузова «ГАЗона» начальник практики Рудольф Сергеевич, институтский физкультурник. — Шабашьте, обед подвезли! Кто тут самый голодный, налетай!

Обычно наш трудовой день на лоне подмосковной природы начинается так: мы с Астом встаём на час раньше одноклассников, выбираемся в окошко и бодро рысим к околице, где за жиденьким ивняком бежит, перекатываясь на топляках и песчаных бродах, речка, за которой на низком берегу раскинулись заливные луга. Скатываемся с песчаного

откоса, с разгону вздымая тучи брызг, пересекаем неторопливые, хрустально-прозрачные струи и дважды обегаем луг по периметру. Затем возвращаемся к броду и на песчаном пляже принимаемся за упражнения. Их немного — в основном растяжка. После чего выуживаем из густого ивняка припрятанные там дубинки — одиночная разминка, отработка приёмов, пять минут свободного боя.

И — в воду! Ниже брода, под обрывистым берегом речка образует бочажок метров двадцати пяти в поперечнике. Под глинистым обрывом из дна бьют ключи — ледяные, из-за чего вода в этом естественном бассейне далеко не тёплая. А нам нравится — после пробежки и упражнений вода приятно холодит разгорячённую кожу и свежие следы от ударов. Переплыть раза три бочаг и бегом же — назад, в «расположение».

К тому времени там уже все проснулись и бредут к установленным во дворе «общежития» жестяным рукомойникам. Горячей воды здесь нет как факта жизни, и школьники брызгаются друг в друга, вопят и ёжатся от ледяного душа. Наше появление — голыми по пояс, с мокрыми волосами, неопровержимо свидетельствующими о злостном нарушении запрета на купание, — всякий раз вызывает завистливые шутки парней и заинтересованные взгляды прекрасной половины нашего коллектива.

Удивительно, как стало меняться наше с альтер эго общее тело. Нет, задротом-ботаником я никогда не был, хотя бы в силу довольно плотного телосложения, но чтобы налитые мускулы

и даже наметившиеся кубики на животе? Вот не верю я в то, что это только следствие наших с Астом тренировок и занятий сценическим фехтованием. Похоже, сознание комонса ухитряется как-то воздействовать на организм в сторону оптимизации.

Асту тоже не приходится жаловаться на своё состояние. И тут дело не столько в физической форме. Парню пришлось и под пулями походить, и полазать по всяческим дырам, и поупражняться с тяжёлыми клинками в условиях свободного боя без сколько-нибудь серьёзной защиты, а это, знаете ли, накладывает отпечаток. Но главное, конечно, причастность к Тайне, и не просто причастность — уверенность, что от твоих действий может зависеть судьба каждого из жителей нашей маленькой планеты. Отсюда и уверенность, и внутреннее спокойствие, не понятное пока ровесникам. Я обратил внимание, что он и общаться с ребятами стал заметно меньше: со мной да с Миладкой — вот и весь его круг общения на данный момент...

В общем, мы двое заметно выделяемся из среды одноклассников, а уж в плане авторитета легко можем дать полсотни очков форы студентам-педагогам — недаром при конфликтных или попросту сложных ситуациях ребята обращаются в первую очередь к нам. Взрослые руководители это видят, а потому выделяют нас из общей массы. Никакого самолюбования здесь нет — на фоне навалившихся на нас в последнее время проблем, подростковые амбиции, в масштабах класса или даже школы, не смотрятся.

Кстати, о проблемах. Стоило только нашему дружному коллективу рассестись по скамейкам за длинными столами в актовом зале клуба, отведённом под столовую (завтрак: рисовая каша на молоке, два кубика масла, сладкий чай и пирожок с повидлом), как из правления прибежала девчонка-машинистка и позвала меня к телефону. Благословенные времена: о мобильниках (радио- и видеофонах и прочих изысках популяризаторов от науки и беллетристов) читали только в фантастических романах, а к единственному «городскому» телефону надо бежать через половину села. Я и побежал — куда денешься? На другом конце провода меня ждала, постукивая туфелькой от нетерпения, Карменсита — и, не слушая возражений, с ходу предложила в течение получаса уладить вопрос с однодневным «отпуском» и выдвигаться к железнодорожной станции. Предлог неважен: заболевшие родители, внезапный визит любимой тётушки из Владивостока — дело моё. Через два часа на станции меня будет ждать машина, она же доставит меня обратно к вечеру. Личное распоряжение *comandante* Коста — все вопросы потом, исполнять, боец!

Что ж, два часа, времени ещё много. На сегодня запланирован визит на мехдвор. Дело в том, что мне нужен нож. Желательно, фикс, с качественным упором и лезвием-ломиком, не меньше четырёх миллиметров в обухе. В магазине нечто подобное можно приобрести только по охотбилету, которого у меня, ясное дело, нет.

Складень же, купленный ещё зимой в «Туристе», оказался сушим барахлом, несмотря на латунные накладки и солидный, почти «викторинковский» набор инструментов: вилка, две открывашки (для банок и бутылок), отвёртка, шило, штопор и даже зачем-то лапки-экстракторы для стреляных гильз двенадцатого калибра на торце. А вот лезвие — дрянь, совершенно не держит заточки, да и разболталось в хлам всего за месяц не слишком интенсивной эксплуатации. И если в Москве отсутствие ножа на кармане ощущалось не так остро, то здесь, в деревне, я был без него как без рук. Ну ещё бы — в той жизни я привык носить при себе нож лет с шестнадцатью и теперь, особенно за городом, ощущаю себя голым. И дело вовсе не в подавленных агрессивных инстинктах. Нож есть универсальнейший и необходимейший инструмент, изобретённый человеком, и его наличие помогает справиться с большинством мелких и не очень проблем, от откупоривания консервной банки до извлечения занозы и вскрытия нарыва — масса ситуаций, когда нож попросту спасёт тебе жизнь. Так что перво-наперво интересуюсь у слесарей, кто может помочь мне с этим животрепещущим вопросом. На меня посмотрели оценивающе, с прищуром, но всё же указали на мужичка, копающегося у верстака в дальнем углу сарая.

Подхожу, знакомлюсь — перво-наперво в глаза бросается обширная коллекция партаков на пальцах и предплечьях. Ага, человек понимающий, с жизненным опытом — вот и хорошо, проще объяснить, что, собственно, мне нужно.

К согласию мы пришли довольно скоро — как по дизайну заказа, так и по вопросу оплаты. Изделие обойдётся мне в литровку бабы Глашиной живительной влаги плюс десять рублей кэшем, зайдите завтра после обеда. Оставляю пятёрку задатка, хотя вся моя сущность вопиет против такого поступка. Исполнитель вполне может счесть, что от добра добра не ищут, и уйти в запой, благо полученной суммы вполне хватит на две стартовые ноль-седьмые «бомбы» портвейна по рубль восемьдесят пять с учётом сданной посуды. Как там говорят в народе? «Кто „Агдам“ сегодня пил, тот девчатам будет мил»... И уж тогда всё, тогда жди обещанного ещё дней несколько, если не неделю. Но уговор есть уговор, я расплачиваюсь и с тяжёлым сердцем покидаю мехдвор.

Одноклассники, Димка Якимов и Андрюшка Куклин, гремящие гаечными ключами возле заросших крапивой останков неопознанного сельхозагрегата (а ну-ка, пацаны, свинтите во-он ту хреновину, пока другие не спёрли, глядишь, и пригодится...), с завистью смотрят мне вслед.

— Пистолет при себе?

Карменсита водила лихо, по-особому, скрепящая руки, перехватывала баранку. Это была машина дяди Кости, но не чёрная начальственная двадцать четвёртая «Волга», а двухцветная, бежевая с вишнёвым, «Победа» ГАЗ М20 одной из редких, ранних серий — с «клыкастой» решёткой радиатора и сдвижным матерчатым верхом, позволяющим превратить машину в подобие

кабриолета. Мощный «мерседесовский» движок тихо гудел, подвеска послушно сглатывала неровности сельской дороги. Свою красавицу двоюродный дед нежно любил, холил и лелеял, используя немаленькие возможности и таланты автомехаников «конторского» гаража, и выводил из гаража лишь в редких, особых случаях. Сегодня, похоже, как раз и был такой. Как только Женька сел на правое переднее сиденье, куда указала кубинка, — *Второй* почему-то именовал его «сиденье смертника», — девушка вытащила из-под приборной панели телефонную трубку на витом шнуре и, нажав несколько кнопок, протянула спутнику. Женька вздохнул и легонько потеревбил напарника, со вчерашнего вечера упорно отсиживавшегося в тине, — пора!

«Щёлк-щёлк» — давно отработанная, теперь занимающая доли секунды операция по «смене руководства телом». Со стороны посмотришь — и не поймёшь ничего: подумаешь, пацан на секунду опустил подбородок и прикрыл глаза.

— Так оружие-то взял? — нетерпеливо напомнила Карменсита. — Я не стала напоминать, мало ли кто услышит...

Это она правильно сделала — всё время, пока я разговаривал по телефону, рядом стояла совхозная тётенька-бухгалтер — стояла и нетерпеливо постукивала носком туфли по дощатому полу: мол, «понаехали тут из города, служебный аппарат занимают, а нам, между прочим, работать надо...

Я похлопал себя по животу, где, подсунутый под ремень, ждал своего часа «Коровин». Вообще-то, собираясь в колхоз, я подумывал прихватить с собой верный обрез «ижака». Мастера, к которым обратился дядя Костя, сумели превратить неуклюжую самоделку в подлинное произведение оружейного искусства. Шейку приклада срезали, заменив её изящно выточенной пистолетной рукояткой. Вместо обрезка приклада на стальном пруте изготовили новый раздвижной, на двух съёмных зубчатых планках, с затыльником из лёгкого металла и губчатой резины. Там даже регулируемая «щека» появилась для упора при прицеливании. Но главное — это, конечно, глушитель. Он навинчивается на обрубок ствола и съедает, как выяснилось, почти весь звук. А с учётом того, что выстрел из однозарядки не сопровождается громким металлическим лязгом затвора, оружие получилось по-настоящему бесшумным. Прицел тоже заменили, поставив неизвестную мне, но явно импортную модель переменной, от двух до четырёх, кратности.

После такого тюнинга (здесь это слово пока не в ходу) удостоверение на право хранения «спортивной малокалиберной винтовки модель имярек» выглядело как сущее издевательство над здравым смыслом, однако бледная лиловая печать с надписью «КГБ СССР» заранее отменяла любые вопросы. И, тем не менее, брат девайс с собой дядя Костя отсоветовал: «Больно уж специфическое оружие получилось, не на каждый день. Да и носить на теле невозможно,

проку от него...» И вручил вместо бывшего «ИЖака» «Коровин» — тот самый, добытый нами в «Силикатах», любовно обихоженный «конторскими» мастерами-оружейниками. Я выщелкнул магазин — все шесть патронов на месте.

— Что, внучек, тяжело в деревне без нагана? — ухмыльнулся генерал, видя, с каким трепетом я рассматриваю старого знакомого.

— ...и с наганом тоже тяжело, — немедленно отреагировал я. — Николай Рубцов, плавали, знаем.

— Ладно, что с тобой поделаешь... — Он порылся в кармане и протянул мне запасной магазин. — По-хорошему, тебя бы посадить куда-нибудь в подвал под тройную охрану и не выпускать...

— Это ещё почему? — удивляюсь.

— А сам не догадываешься? Нет, внучек, дело не в Пришельцах или как их там, Десанниках. С тем, что у тебя в голове на тему ближайших трёх десятков лет, наших, земных, ты — оружие похлеще водородной бомбы, а я тебя — в совхоз, одного, без присмотра! Точно, как говорили в моё время старики: «Последние времена наступают...»

Я молчал — а что, собственно, тут скажешь?

— Ладно, чего уж теперь... — Генерал невесело ухмыльнулся и протянул мне магазин. — Ты, внучек, меня не подведи... во всех смыслах. И учти: бумажки к этому стволу нет, если что, постарайся избавиться. Он нигде не запылился,

мы проверили — скажешь, там же, в совхозе нашёл, и подготовь заранее схрон, как бы оттуда его и вынул. И, кстати, о схронах... — Он сделал паузу. — Не исключено, нам очень скоро понадобится твоя помощь.

— В чём дело? — спрашиваю.

— Потом. Езжай пока, когда придёт время, с тобой свяжутся.

Вот, значит, они и связались. Наша задача, разъяснённая мне только что по телефону («аппарат с шифрованием, можно говорить не опасаясь», пояснила кубинка), заключается в пополнении денежных резервов группы перед предстоящей операцией против Пришельцев. «Мы, как ты помнишь, действуем неофициально, — пояснил он. — Доступ к фондам, тем более внутри СССР, у меня ограничен, да и светиться лишний раз неохота. А там солидные деньги лежат без всякой пользы — ворованные, заметь, деньги, самой судьбой для благого дела предназначенные. И надо бы поскорее их на это дело пустить, как считаешь, внучек?..»

Надо так надо, разве ж я против? Намеченная к изъятию захоронка где-то в Мытищах — туда-то я сейчас и направляюсь, влекомый легендой советского автопрома с внебрачной дочерью команданте Че за рулём. Между прочим, не приведи Господь пошутить или хотя бы заговорить при Кармен на эту тему. Голову оторвёт и скажет, что так и было.

1979 г., июнь,
г. Мытищи.
День с прибывлями

В Мытищах я бывал в «прошлой жизни» довольно часто и хорошо запомнил ощущение уныния и тоски, исходящие от улочек, застроенных потемневшими от времени частными домишками, двух- и трёхэтажными кирпичными и деревянными строениями, покрытыми облупившейся штукатуркой. Большинство выглядели так, словно возведены были ещё при царе Горохе, — подозреваю, тут я недалеко отошёл от истины. Нужный нам дом (за три квартала Карменсита оставила машину возле магазина «Рыба», и мы пошли пешком) оказался и вовсе бараком — первый этаж бревенчатый, второй обшит досками, с единственным на весь фасад подъездом. Такие строили до и сразу после войны — практически без фундаментов, с удобствами на улице и спартанской коридорной планировкой, при которой на все квартиры на этаже приходилось две кухни и столько же ванных комнат. Трудно поверить, но в середине нулевых в таких бараках ещё жили люди.

Но сейчас особенности подмосковной архитектуры нас не интересуют, кроме, пожалуй, одной. На глухой, без окон, торцевой стене дома примостилась пожарная лестница, и ведёт она к слепому чердачному окну. Тут же очень удачно оказалась проржавевшая насквозь двухсотлитровая железная бочка. Общими усилиями подкапываем её, ставим на попа и по очереди взбираемся на лестницу.